

3 Молитвы пред причащением // Семинарская и святоотеческая православные библиотеки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravlib.ru/liturgika44.html>. – Дата доступа: 27.04.2010.

4 Сущинский, И. И. О коммуникативно-прагматической категории «акцентирование» / И. И. Сущинский // Иностранные языки в школе. – 1984. – № 2. – С. 9 – 13.

УДК 398: 392.2: 820

Л. Л. Ермакова

Семейный фольклор: детские воспоминания о войне

Данная статья посвящена анализу детских воспоминаний о войне, являющихся составной частью общефольклорного фонда семейной исторической прозы. Очерчена информационно-познавательная, дидактико-воспитательная и эмоционально-репрезентативная функция семейного предания.

Современный семейный фольклор является вполне самостоятельным феноменом культурной традиции народа. По мнению исследовательницы истории, быта и фольклора русской семьи И. А. Разумовой, «он представляет собой продуктивное явление речевой практики и воплощается в совокупности устойчивых текстов, которые функционируют в быту семьи и реализуются в процессе внутрисемейных и специфических внесемейных контактов» [1, с. 320]. Для обозначения произведений семейного фольклора в научном обиходе приняты такие жанровые наименования, как «биографический рассказ», «семейные истории», «семейный биографический рассказ», а также «меморат» и «хроникат». Под «меморатом» подразумевается рассказ-воспоминание с тенденцией к фольклоризации, «хроникат» же соотносится с семейными хрониками, последовательность событий в которых выстроена, как правило, собирателем или собеседником. По основной области значений эти термины одновременно совпадают и с термином «предание». Так, по сфере повседневного бытования можно выделить «семейные предания» или «генеалогические предания», представляющие собой ретроспективные рассказы из жизни семьи. Причём, как справедливо отмечает С. Ю. Неклюдов, в процессе их изучения проблема «достоверности» рассказа зачастую уходит на периферию, уступая место изучению феномена коллективной памяти и характера мифологизации прошлого [2, с. 288 - 292].

Семейный фольклор объективирует систему родственных отношений и представлений о родстве в конкретике предметного мира и пространственно-временной событийной наполненности. Он как форма самосознания семьи вбирает наиболее значимые культурные нормы и ценности, влияя как на поведение отдельного человека, так и всех членов рода. Устойчивость семейного фольклора обусловлена, прежде всего, известной консервативностью форм домашнего быта и родственных отношений. Возраст тех, кого посвящают в семейный опыт, не имеет границ и варьируется в соответствии с конкретикой, так как передача информации осуществляется в естественном повседневном внутрисемейном общении, захватывая в свою орбиту всех и каждого. В свою очередь разные точки зрения на происходящее в зависимости от возраста и пола, общественного положения, местожительства создают параллельные сюжеты: «мужской», «женский», «детский» и их модификации.

Типы устных, а в ряде случаев и письменных сообщений, закономерно демонстрируют высокий уровень их структурной организации. Чаще всего в основе их лежит «биографический» принцип, где установка на соблюдение хронологической последовательности сочетается с выраженными свойствами «нелинейной памяти», что проявляется, например, в преимущественной фрагментарности воспоминаний. В инварианте домашнее повествование представляет собой определённую систему представлений и знаний о своей родословной. В жанровом отношении это свод достаточно самостоятельных текстов, функционирующих в

разнообразных коммуникативных ситуациях и вбирающих коллективную память родственной группы, выступающей во всей своей совокупности в качестве субъекта, что делает возможным открытый финал повествования. Всё это даёт основание современными исследователями относить родословные также к разряду семейных «автобиографий».

Наблюдения свидетельствуют, что, как правило, основным объектом для повествования в семейных исторических воспоминаниях становятся особенности жизни и быта, которые наиболее ярко и выразительно характеризуют время.

Достаточно разнопланово представлен в меморатах период Великой Отечественной войны. У большинства белорусских семей есть детализированные воспоминания старшего и младшего поколений о первом и последнем днях войны, о встрече с оккупантами, о тяготах и лишениях повседневной жизни, о зверствах фашистов и актах милосердия. Это даёт основания говорить и о специфике детского и взрослого, мужского и женского восприятия военной катастрофы.

Собиранием и анализом рассказов о войне активно занимались русские фольклористы Л. В. Домановский [3], С. И. Минц [4], А. В. Гончарова [5]; в частности, отметившие наличие в них «типовых тем» С. И. Минц [4, с. 395]. В последнее десятилетие активно работает в этом направлении упомянутая выше И. А. Разумова. Партизанский фольклор стал предметом пристального изучения для белорусских фольклористов Л. С. Мухаринской, Г. А. Барташевич, А. С. Федосика [6, с. 302 - 303].

«Война» воспринимается как «испытание» для семьи, как временной отрезок непосредственного соприкосновения со сферой смерти. Отсюда присутствие мотивов предзнаменований и рассказы о «первом» и «последнем» днях войны. В «мужских» (фронтовых) текстах, как правило, преобладают воспоминания о героическом поведении и чудесном спасении. «Женские» тексты чаще всего посвящены теме жизни в оккупации, в партизанском отряде или теме эвакуации и жизни в тылу и т. д. Нередко они не совпадают с «официальными мифами» и дают конкретную оценку поведения «своих» и «чужих». Им свойственны характерные мотивы, например, о пережитых трудностях, о человеческой гуманности и жестокости, причем проявившиеся как с одной, так и с другой стороны, а также любовные и даже брачные сюжеты, в которых нередко особое место занимает «образ оккупанта». Повествования о любви и дружбе представителей противоборствующих сторон, по мнению И. А. Разумовой, «служит преодолению критического положения, является средством «спасения» и психологической компенсации. Таким образом, оказываются ассоциированными две идеи: преодоления этнической вражды путем установления родственных отношений и непреодолимости границ» [1, с. 328].

Среди воспоминаний о Великой Отечественной войне особый интерес представляют детские воспоминания. В свою очередь они подразделяются на собственно воспоминания детей и воспоминания людей преклонного возраста о своём детстве. Детство и старость – это два возраста в жизни человека, которые находят специфическое осмысление в повествовательной традиции семьи. В реальной практике оба возраста чаще всего реализуются в типологически близких сюжетах и являются, по мнению И. А. Разумовой, «пограничными и симметричными друг относительно друга», при этом, уточняет исследовательница, рассказам о детях следует отдать явное количественное преимущество [1, с. 391]. В совокупности те и другие дают значительный по объёму материал, позволяющий составить систему представлений о периодизации жизни человека.

Проблемы детства и старости, формы и способы их отражения в вербальной культуре требуют пристального рассмотрения. Движение в этом направлении обозначил в своё время яркой работой о двух значениях старости А. А. Потеня [7, с. 448 - 449], позже к этой проблеме обратились В. В. Иванов и В. Н. Топоров, обсуждая вопрос о ритуально санкционированных социальных функциях различных возрастов. Детство они расположили между «младенчеством», не представляющим самостоятельного возрастного класса, и «юностью», за которой следует период «взрослости», тождественный периоду зрелости [8, с. 89 - 94].

Замечено, что через многообразие воспоминаний представителей старшего поколения о военном детстве, отечественная история высвечивается новыми гранями, становится ближе и понятнее потомкам.

При обращении к военному «прошлому» жители Беларуси нередко конструируют три метасюжета: об «утраченном рае» (прошлое как «золотой век», довоенное прошлое), о пережитых трудностях («выживание семьи» в условиях оккупации) и об «обретении рая» (последвоенные годы, трудные, но мирные, хотя сильны ещё отзвуки войны). Эти концепции накладываются на канву как целостного семейного, так и индивидуальных жизненных циклов:

Прежде всего «война» вводится в определенные временные рамки и в их пределах воспринимается как «испытание» для семьи, как пребывание в ином качестве и в сфере непосредственного соприкосновения со смертью. В детских рассказах нередко обнаруживаются мотивы предзнаменований: «У нас в деревне была сильная буря перед войной, и упало буслиное (местное название аиста) гнездо, все встревожились», – рассказывала информатор из Витебщины Н. Г. Бельская (1932 г. р.).

У абсолютного большинства белорусских семей есть также детализированные мемуары о «первом» и «последнем» днях войны. По воспоминаниям Н. Г. Бельской, фашисты приехали на мотоциклах, шумных и стрекочащих машинах, непривычных для жителей предвоенной деревни. Столь же непривычно выглядела военная одежда с выраженными знаками различия и специфическая форма касок. Говорили приехавшие очень быстро и на непонятном языке, подобному птичьему (вороньему) гаму – «гергетали». Да и сами начали знакомство с бесчинств. Одни на ломаном языке требовали у местного населения еду: «Матка, млеко! Матка, яйки!». Ловили кур, гусей, ощипывали их, разводили во дворах костры, варили птицу, громко смеялись, предвкушая сытую еду. Другие с интересом шарили по шкапам и сундукам, вытягивали яркие, узорчатые домотканые постилки и рушники. Цокали в знак одобрения мастерству хозяйки языками и показывали, перепуганным женщинам и детям, что отправят свою добычу домой, в Германию. Всем своим поведением немцы уподобляются стае птиц-стервятников, готовых терзать невинную жертву. Пришло ощущение беды. Привычный мир рухнул в одночасье. Тяжкое состояние усилилось, когда в небе появились огромные железные птицы, которые сначала устремлялись к линии фронта, а позже совсем рядом бомбили леса, «выкуривая» из них партизан.

Детские воспоминания не всегда фиксировали тех, кто принёс известие о победе, но все помнили ту радость, которая охватила людей, получивших известие об окончательном поражении фашистов. Односельчане обнимали и поздравляли друг друга. Хотя кругом было много горя, в это мгновение царил радость и ликование, вспоминает младшая сестра Н. Г. Бельской, М. Г. Бельская (1937 г.р.).

В воспоминаниях о детстве для каждого конкретного события имеются наиболее характерные мотивы. Так, довоенная пора связана с воспоминаниями о родной деревне, утопающей в садах, о многовековых липах, на ветвях которых вили гнёзда аисты, о вкусной и сытной еде, которую готовила мама, а «партизанские» рассказы о жизни в окружении, в основном, опираются на обстоятельства, связанные с тяжелейшими бытовыми условиями, голодом и голодом, когда выживание человека достигается в «нечеловеческих условиях» и «нечеловеческими» средствами: дети и взрослые вынуждены сутками не спать или спать под деревьями, укрывшись лапником, ночевать в сырых землянках, есть хлеб из лебеды, кору деревьев, даже варить кожаные ремни, лакомством считается мясо мелких лесных птичек и недозревшие лесные ягоды. Выжившие в этих условиях люди уподобляются сказочным персонажам, которые, побывав на «том свете», оказываются не просто изменившимся, но состарившимся: «После прорыва партизанами блокады к тётке подошел мужчина и, протянув какую-то еду, сказал: „Возьмите, бабушка“, – а ей было тогда чуть за двадцать» (Н. Г. Бельская).

Не менее драматичны рассказы о жизни в оккупированных деревнях, находившихся в непосредственной близости с лесными массивами и заболоченными территориями, в которых скрывались партизаны. Местных жителей заставляли тянуть бороны по минным полям, чтобы расчистить дорогу немцам. После очередной вылазки партизан каратели в отместку

«ставили» жителей близлежащих деревень на расстрел. В одном ряду стояли женщины, старики, дети. Многие с той поры стали седыми.

В воспоминаниях детей межличностные связи утверждаются не только родством, но и дружбой членов семьи с известными людьми, совместной службой и даже просто знакомством. Частью семейного фольклора становятся рассказы о том, «как папа служил связным в партизанском отряде, где комиссаром был муж его сестры» (Н. Г. Бельская).

Объектом воспоминаний могут быть и собственные «героические поступки». Доставка еды заброшенному с большой земли парашютисту и скрывающемуся в сарае, сбор информации о численности прибывших в деревню немцев, прятание в выкопанной ямке гранаты, забытой немцем, и маскировка схрона куриным помётом. Эта информация сопровождается обязательным указанием на желание десантника встретиться после войны, с оговоркой, если выживет (но ни одной встрече не суждено было состояться), наконец, даётся объяснение, почему до старости сохранился интерес заглядывать в окна, и считать присутствующих в доме и почему до сих пор снится страх, испытанный, когда офицер, чью гранату только что удалось так «искусно» спрятать, вдруг вернулся в дом (Н. Г. Бельская).

В рассказах о жизни в оккупации важное место занимает «образ оккупанта». Закономерно, что наряду с эпизодами «нечеловеческой» жестокости присутствуют мотивы нетипичного для врага поведения: немецкий врач дает лекарство больной девочке, немецкий офицер сажит девочку на колени, угощает вкусной едой, шоколадом, показывает семейный альбом и т. п. Для такого «ненормативного» поведения находятся специфические мотивировки: у немцев дома остались дочери, фотографии которых они показывают девочкам-белорускам (Н. Г. и М. Г. Бельские).

Как известно, установление человеческих отношений в любой форме: от неясных аллюзий до «брачного сюжета», – служит преодолению критического положения, является средством «спасения» и психологической компенсации. В этом кроется причина популярности рассказов типа «истории о любви между белорусской девушкой и немецким солдатом», который дезертировал из гитлеровской армии и был в партизанском отряде переводчиком. «Любленькая моя!» – так он называл молоденькую партизанскую связную, троюродную сестру Н. Г. и М. Г. Бельских, Г. И. Гончарову (1927 г.р.). В реальной практике человеческого общения стирались этнические грани и рушились границы, выстроенные противоборствующими сторонами.

В фонде семейной исторической прозы есть рассказы о «чудесном спасении», о родственниках, не только прошедших войну, то есть вернувшихся из мира смерти, но также о тех, кто не дождал до победы в силу разных обстоятельств, в том числе и в результате «несправедливого наказания». В обоих случаях акцентировано описание «сверхъестественных» жестокостей и опасностей, прослеживается вера в судьбу, злосчастный рок и одновременно в человеческое участие, в возможность установить справедливость. Комиссар партизанского отряда вскрывает НЗ (неприкосновенный запас) съестного и кормит еле живых разведчиков, вернувшихся в лагерь после тяжелейшего боевого задания. За нарушение субординации и дисциплины командир отряда расстреливает его (Н. Г. Бельская). Будучи прав с формальной точки зрения, командир презрел законы человеческого общежития, и за это его настигает «расплата» или «кара». После войны партизаны делают всё, чтобы восстановить честь любимого комиссара и через суд заставляют командира признать свою вину и выплачивать алименты семье пострадавшего (М. Г. Бельская). В данном случае повествовательная традиция явно обнаруживает тенденцию к объяснению событий и социальных отношений личными свойствами и намерениями людей, «виновников» или «спасителей».

К рассказам о войне тесно примыкают детские воспоминания о первых годах послевоенной поры. Рассказы о «возрасте» и «времени» содержат устойчивые, отмеченные в нескольких вариантах, мотивы. Так, повествование о «трудном послевоенном детстве» включает сведения о том, как голодный ребенок однажды наедается, ему становится плохо, и с тех пор он больше этот продукт не ест (или долго не может его есть). Рассказ об учёбе в школе, которая находится в соседней деревне, обязательно включает мотив острого дефици-

та одежды и (или) обуви, поэтому в школу дети ходят по очереди или до морозов бегают босиком, надевая обувь только перед входом в помещение. Неоднократно встречается мотив неосторожного обращения с оружием: нечаянного подрыва на оставшихся в земле минах, разрыве случайно обнаруженной гранаты и т.п. Иной мир еще не отступил полностью и грозно напоминает о себе. Информаторы рассказывают о тяжёлых судьбах женщин-вдов, оставшихся с малыми детьми на руках, детей, оставшихся без родителей, беспомощных инвалидов. Особую группу составляют «страшные рассказы» о нападении на людей волков или, как утверждали очевидцы, одичавших немецких овчарок, брошенных своими хозяевами (Н. Г. Бельская).

Приведенные факты позволяют заметить, что семейная история является модификацией или даже параллельным вариантом, позволяющим качественно глубже и тоньше осмыслить исторический процесс. Именно семейные мемораты дают возможность увидеть неоднозначные, часто противоречивые и изменчивые оценки «своих» и «чужих», которые являются реакцией на реальное разнообразие ситуаций. При этом в любом случае история семьи конструируется в русле осмысления «официальных мифов», так как белорусы не склонны подвергать сомнению тему массового героизма партизан, далеко не идиллических отношений оккупантов с местным населением, и, конечно, тему жестокости завоевателей и т. п.

Возможно, в сохранении и передаче семейного прошлого фольклорная традиция играет более скромную роль по сравнению с материалами фамильного архива или предметами бытовой культуры. Однако по степени эмоционального воздействия информации, по глубине памяти эта форма устной коммуникации не имеет себе равных. Привлекательность семейной автобиографии как целого и ее составных частей связана с тем, по утверждению Ж. Ревель, что семейное историческое повествование возвращает тот «первоначальный опыт», который «позволяет уловить конкретный облик глобальной истории» и показать способы создания образов действительности в различных контекстах [9, с. 118 - 121].

Современная устная семейная традиция даёт возможность выявить скрытые формы существования семейного предания, факторы и способы его актуализации. В области реконструкция семейного прошлого значимую роль играют, в том числе, детские воспоминания, диапазон которых очерчен не только информативно-познавательной, но и дидактической, воспитательной, эмоционально-ностальгической и репрезентативной прагматикой.

Литература

- 1 Разумова, И. А. Потаённое знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История / И. А. Разумова. – М.: Индрик, 2001. – С. 320. (Традиционная духовная культура славян / Современные исследования.)
- 2 Неклюдов, С. Ю. Исторический нарратив: между «реальной действительностью» и фольклорно-мифологической схемой / С. Ю. Неклюдов // Мифология и повседневность. Материалы научной конференции 18-20 февраля 1998 г. – СПб.: ЛГПУ, 1998. – С. 288-292.
- 3 Домановский, Л. В. Устные рассказы / Л. В. Домановский // Фольклор Великой Отечественной войны. – М.; Л.: Худож. литер., 1964. – С. 194 - 239.
- 4 Минц, С. И. Устные рассказы жителей Малоярославца / С. И. Минц. // Фольклор Великой Отечественной войны. – М. – Л.: Худож. литер., 1964. – 384 – 390.
- 5 Гочарова, А. В. Устные рассказы Великой Отечественной войны / А. В. Гончарова. – Калинин: Изд-во Калининского ун-та, 1974. – 185 с.
- 6 Фядосік, А. С. Партызанскі фальклор / А. С. Фядосік // Беларускі фальклор: Энцыклапедыя: У 2 т. Т.2: Лабараторыя традыцыйнага мастацтва – «Яшчур». – Мн.: БелЭн, 2006. – С. 302 - 303.
- 7 Потебня, А. А. Слово и миф / А. А. Потебня. – М.: Наука, 1989. – С. 448 – 449.
- 8 Иванов, В. В., Топоров, В. Н. К истокам славянской социальной терминологии (семантическая сфера общественной организации власти, управления и основных функций) / В. В. Иванов и др. // Славянское и балканское языкознание: Язык в этнокультурном контексте. Внутри мыслящих миров. – М.: Искусство, 1984. – С. 89 - 94.
- 9 Ревель, Ж. Микроисторический анализ и конструирование социального / Ж. Ревель. // Одиссей. Человек в истории. – М.: Держава, 1996. – С. 110 - 127.